

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Я. Светлов

**Догматическое учение о
необходимости Церкви для спасения
в научно-апологетическом
освещении:**

извлечение из отзыва о представленном на соискание
премии митрополита Макария сочинения С. Глаголева
"Сверхъестественное откровение и естественное
богопознание вне истинной церкви". Исследование.
Харьков, 1900 год

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 3. С. 476-487.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Догматическое ученіе о необходимости Церкви для спасенія въ научно-апологетическомъ освѣщеніи *).

НА ряду съ знаніями не менѣе, если не болѣе важную сторону, особенно богословскихъ сочиненій, составляетъ богословское міросозерцаніе или мысли автора, которымъ знанія служатъ, какъ ихъ выраженіе и средство. Въ сочиненіи проф. Глаголева мы имѣемъ дѣло не съ мертвою самоудовлѣвлющею ученостью, ничего не говорящею уму и сердцу читателей механическимъ нагроможденіемъ знаній, а съ того рода ученостью, гдѣ знанія одухотворены высоко-настроенной и глубоко-прочувствованною православною богословскою мыслью и служатъ послушнымъ орудіемъ ей. Авторъ въ своемъ богословствованіи всецѣло стоитъ на почвѣ общаго православнаго міросозерцанія, и его собственное міросозерцаніе не носитъ на себѣ какой-либо рѣзкой индивидуальной окраски, которую можетъ имѣть христіанское сознаніе безъ вреда и даже съ пользою для вѣры. Однако этимъ не исключается его критическое отношеніе къ господствующимъ въ богословіи взглядамъ по частнымъ вопросамъ, и здѣсь нерѣдко онъ даетъ намъ новое освѣщеніе и цѣнныя поправки къ старому и общепринятому въ богословіи. Въ примѣръ подобныхъ поправокъ можно привести здѣсь хорошо обоснованное мнѣніе о неудобствѣ обычнаго въ богословіи различенія откровеній частныхъ и общихъ (стр. 9—10), дополненіе къ обычной послѣ-кантовской формулѣ телеологическаго доказательства бытія Божія, по вѣрному мнѣнію г. Глаголева дѣлающей на-

*) Окончаніе. См. февраль.

прасную уступку Канту (стр. 350, 351, 368—370), цѣнные методологическія замѣчанія къ лучшей постановкѣ въ апологетикѣ рациональнаго обоснованія догматовъ о Св. Троицѣ (стр. 336—338), о Богѣ, какъ Существомъ личномъ, безпредѣльномъ Духѣ (стр. 328) и проч.

Съ разсматриваемой здѣсь идейной стороны наибольшаго вниманія, конечно, заслуживаютъ самый отвѣтъ изслѣдованія на взятый имъ вопросъ или его основная мысль и находящіяся въ связи и соответствіи съ нимъ богословскія понятія. Какъ говорилось выше, книгою дается отвѣтъ, способный возбуждать возраженія противъ себя, что соответственнымъ образомъ отзывается и на тѣхъ понятіяхъ и мысляхъ, какія связаны съ нимъ и служатъ его основаніемъ, каковы понятія автора о сверхъестественномъ откровеніи и его значеніи, о дѣйствіи божественнаго Промысла въ судьбахъ язычества, особенно — понятіе о естественномъ откровеніи и его значеніи. Въ соответствіи съ основною идеею изслѣдованія, замѣтно, здѣсь сверхъестественное откровеніе въ его значеніи излишне возвышается въ ущербъ естественному откровенію, излишне умаляемому въ его значеніи для язычества, жившаго и живущаго внѣ свѣта церкви. Необходимымъ условіемъ для полученія сверхъестественнаго откровенія авторъ ставитъ (стр. 5) святость и принадлежность людей къ истинной церкви, но вскорѣ же (стр. 8, 13) самъ вынуждается ограничить эту, излишне категорически высказанную, мысль примѣрами сверхъестественнаго откровенія людямъ и въ иныхъ условіяхъ, напр. Авимелеху, Фараону, ниневитянамъ, Навуходносору, Валааму и проч. Категорически также высказанная мысль, что „промысль не открывался особо явнымъ образомъ тамъ, гдѣ имѣло мѣсто религіозное заблужденіе“, т. е. въ язычествѣ (стр. 12—13), опять находитъ ограниченіе себѣ у автора на стр. 11 (о гибели Содома и Гоморры, какъ о фактѣ сверхъестественномъ, свидѣтельствующемъ о Правосудномъ Богѣ). Обычный въ богословіи взглядъ на естественное откровеніе, какъ „на способъ познать Бога, существующій параллельно съ другимъ“—сверхъестественнымъ, имѣетъ прочныя для себя основанія какъ въ Св. Писаніи (Сир. XVII, 6; Дѣян. Ап. XVII, 27—28; XV, 26—28; XIV, 17; Ис. LXV, 6; Втор. XXX, 12—14; Рм. X, 6—10; I, 19—20; Іов. XXXVII, 14; XII, 7—10; Псал. XVIII, 2; Прем. XIII, 1—9, ср. г. *Глаголева*, стр. 342), такъ и въ ученіи св.

отцевъ¹⁾. Но обычный взглядъ не гармонировалъ бы съ основною мыслью изслѣдованія г. Глаголева и потому, вѣроятно, послѣдній оспариваетъ его и замѣняетъ собственнымъ. Происхожденіе обычнаго взгляда у г. Глаголева объясняется ошибочнымъ пониманіемъ Рм. I, 19—20 прежде всего, будто человѣкъ можетъ до нѣкоторой степени естественнымъ способомъ познать Бога, тогда какъ, по мнѣнію автора, ап. Павелъ высказываетъ лишь ту мысль, что разсматриваніе природы только утверждаетъ людей въ представленіяхъ, отъ начала полученныхъ ими изъ сверхъестественнаго откровенія, поскольку этимъ разсматриваніемъ природы подтверждается и уясняется истинность откровенія. Человѣкъ безответенъ, потому что отвергаетъ предлагаемое ему откровеніе, не смотря на то, что истинность его заявляетъ разумъ (стр. 32). Однако такому толкованію препятствуетъ сравненіе даннаго мѣста съ параллельными, какъ Прем. XIII, 5—9; Д. А. XVII, 27—28 и др., утверждающими насъ въ правильности буквальнаго пониманія мѣста, и сверхъ того нельзя не замѣтить, что въ основаніи его лежитъ нѣкоторое недоразумѣніе. Если „естественный разумъ“ (стр. 32) способенъ давать подтвержденіе и разъясненіе откровенію, тѣмъ болѣе, если наука „всегда является разъясненіемъ и раскрытіемъ ряда истинъ откровенія“ (стр. 33), то не утверждается ли этимъ способность познать Бога даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, до степени полнаго совпаденія выводовъ естественнаго разума съ божественнымъ откровеніемъ? Происхожденіе обычнаго взгляда авторъ объясняетъ также невниманіемъ богослововъ къ историческимъ и психологическимъ даннымъ касательно возникновенія существующихъ формъ религіозныхъ представленій (стр. 21—24), коренящихся въ концѣ концовъ въ положительномъ сверхъестественномъ откровеніи или находившихся подъ влияніемъ его чрезъ посредство евреевъ. Но самъ авторъ долженъ былъ признать фактъ незнакомства съ откровеніемъ нѣкоторыхъ выдающихся мудрецовъ древности, какъ Платонъ, Сократъ (стр. 237). Неспособность къ естественному богопознанію авторъ, наконецъ, хочетъ доказать умаленіемъ значенія древней философіи въ

¹⁾ Въ доказательство чего, для сокращенія рѣчи, позволимъ себѣ сослаться на свое сочиненіе „Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія“, т. I, стр. 9, 11, 44—45.

лицъ ея гениальнѣйшихъ представителей, какъ Аристотель и Платонъ, не доросшихъ до идеи единого живаго и всеблагого Бога Отца, оставшейся недостигаемой вообще для всего человѣчества внѣ сверхъестественнаго откровенія (стр. 30). Но на стр. 293 однако сіюю историческихъ фактовъ авторъ вынуждается признать существованіе въ языческомъ мірѣ идеи о Богѣ-Отцѣ и сообщить на стр. 341, что въ „ассиро-вавилонскихъ, египетскихъ, ведійскихъ гимнахъ Божество часто называется Отцемъ“.

Въ своемъ собственномъ возрѣніи на естественное откровеніе проф. Глаголевъ колеблется между двумя различными взглядами. Болѣе всего онъ тяготѣетъ, кажется, къ такому понятію о естественномъ откровеніи, по которому оно есть инстинктъ, побуждающій человѣка къ исканію истины (стр. 15, 387, 388), „неопредѣленное“ стремленіе къ истинѣ или „тяготѣніе человѣка къ Абсолютному“ (стр. 31), „естественное тяготѣніе человѣка къ сверхъестественному“ (стр. 25), „инстинктъ духовной жажды, который побуждаетъ человѣка обращаться къ безконечному, подобно тому, какъ чашечка цвѣтка обращается къ солнцу или стрѣлка магнита къ сѣверу“ (стр. 25, 31). Безъ сверхъестественнаго откровенія одно естественное богопознаніе, говоритъ авторъ, „то-млю бы человѣка чувствомъ духовной жажды, не давая ему удовлетворенія“. Лишенное всякаго самостоятельнаго значенія естественное богопознаніе приобрѣтаетъ послѣднее только въ качествѣ условія или „начала, направляющаго человѣка къ принятію сверхъестественнаго откровенія и къ вступленію въ завѣтъ съ Богомъ“ (стр. 31), „къ религіозной истинѣ, къ принятію откровенія, къ вступленію въ истинную церковь“ (стр. 19); словомъ, „естественное богопознаніе есть необходимое условіе для принятія откровенія, а не способъ приобрѣтенія познаній о Богѣ, параллельный откровенному“ (стр. 31). Явный недочетъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ автора, мимоходомъ замѣтимъ, заключается въ ошибкѣ смѣшенія цѣлаго съ частью: здѣсь авторъ вездѣ говоритъ о религіозномъ чувствѣ, отождествляя его съ естественнымъ богопознаніемъ, тогда какъ въ сложномъ процессѣ естественнаго богопознанія религіозное чувство является однимъ только изъ моментовъ или условій его, хотя и самымъ важнымъ. Впрочемъ, мѣстами авторъ обращается къ обычному понятію о естественномъ богопознаніи, какъ о параллельномъ сверхъ-

естественномъ способѣ богопознанія, напр. на стр. 32—33, гдѣ естественному разуму приписывается гораздо болѣе жажды къ истинѣ,—самостоятельное убѣжденіе его въ истинѣ откровенія, сознательное согласіе съ нимъ, подтвержденіе истины его, и наука представляется „разъясненіемъ и раскрытіемъ истинъ откровенія“ (стр. 33). Такимъ образомъ, авторъ колеблется между двумя крайними точками зрѣнія въ своемъ воззрѣніи на естественное откровеніе, то слишкомъ умаляя, то преувеличивая значеніе его. Все это не могло не отразиться такъ или иначе на отвѣтѣ изслѣдованія г. Глаголева на вопросъ о судьбѣ пребывающихъ внѣ церкви.

Умаляя значеніе естественнаго откровенія и доказывая естественную неспособность человѣка познать Бога, проф. Глаголевъ затрудняетъ для себя принятое имъ рѣшеніе вопроса, по которому пребывающіе внѣ церкви осуждаются на гибель по собственной своей винѣ, какъ непознавшіе Бога. Но *люди безотвѣтны* потому, говорятъ намъ, что они могли познать Бога изъ откровенія сверхъестественнаго? Однако и самъ авторъ вынужденъ былъ признать въ концѣ концовъ несомнѣнность пребыванія миллионъ людей внѣ свѣта сверхъестественнаго откровенія, и притомъ—лучшихъ людей язычества вроде Пифагора и Сократа (стр. 236 и дал.). Онъ долженъ признать также въ настоящемъ случаѣ силу новозавѣтнаго библейскаго ученія о до-христіанской эрѣ, какъ о „времени невѣдѣнія“, умалявшаго тѣмъ самымъ вину людей (Дѣян. Ап. III, 17; XVII, 30; 1 Пет. I, 14; 1 Тмо. I, 13 ср. ев. Иоан. XV, 22; XVI, 7—9; Лк. XXIII, 34). Силу указаннаго факта проф. Глаголевъ хочетъ умалить соображеніемъ, что нѣкоторымъ, даже великимъ мужамъ древности, какъ Платонъ, Сократъ, Пифагоръ, не было возвѣщено откровеніе во избѣжаніе ихъ горшаго осужденія при ихъ противленіи истинѣ и ожесточеніи, предвидимыхъ Всевѣдущимъ (стр. 237—238). Если бы однако Промыслъ Божій слѣдовалъ этому пути возвѣщенія истины людямъ, то ея никогда не удостоивались бы грѣшники, не принявшіе проповѣди истины; но Богъ вѣщаетъ истину и современникамъ Ноя, и фараону, и пиневитянамъ,—и Господь нашъ Іисусъ Христосъ несетъ благою вѣсть о спасеніи Капернауму и Хоразиму, Іерусалиму и книжникамъ съ фарисеями, и всему іудейскому народу,—всѣмъ, отвергнувшимъ Его! Суду и наказанію у всеблагаго и правосуднаго Бога предшествуютъ наставленіе и обличеніе, что бы не было нареканія на Его правду.

Не представляется ясною безотвѣтностъ внѣцерковныхъ людей по изслѣдованію г. Глаголева, станетъ ли онъ въ осужденіи ихъ на точку зрѣнія перваго или втораго своего понятія о естественномъ богопознаніи. Невиповность людей внѣ церкви несомнѣнна съ точки зрѣнія перваго понятія о естественномъ откровеніи, по которому оно есть инстинктъ, побуждающій людей искать истину и обращаться къ истинѣ подобно тому, какъ магнитъ обращается къ сѣверу, цвѣтокъ къ солнцу, и какъ птица, родившаяся на сѣверѣ, осенью летитъ на югъ (стр. 25) или, добавлю, какъ инстинктъ помогаетъ новорожденному искать грудь матери, а пчелѣ—полезные ей цвѣты. Но между религіознымъ инстинктомъ человѣка и инстинктомъ перелетныхъ птицъ и проч. устанавливается авторомъ громадное различіе: въ то время какъ птицы, пчелы и проч. не только ищутъ, но и *находятъ* имъ нужное, человѣкъ обреченъ только томиться жаждою въ своемъ безплодномъ исканіи истины: *искать* истину и не находить ея нигдѣ, кромѣ сверхъестественнаго откровенія. Инстинктъ безошибочно указываетъ путь птицамъ къ югу, но нѣтъ ничего, что также ясно и прямо указывало бы путь людямъ къ православной церкви. Нѣтъ такого инстинкта, который обращалъ бы ихъ къ послѣдней. А потому, могутъ сказать, люди не безотвѣтны... Для находящихся внѣ церкви людей путь къ познанію истины православія или къ вѣрѣ въ православную церковь лежитъ чрезъ вѣру въ Бога, служащую основаніемъ религіи вообще (1-й членъ сумм. вѣры), чрезъ вѣру въ Христа, Бога-Искупителя, служащую основаніемъ религіи христіанской (чл. сумм. вѣры 2—7, 11—12) и чрезъ вѣру въ церковь (чл. 8—10), — долгій путь изученія и размышленія, науки и разсудочныхъ доказательствъ, не всеѣмъ доступный и не безусловно вѣрный и дѣйствительный. Богословская наука предлагаетъ всеѣмъ вѣрные признаки, по которымъ можно узнать истинную православную церковь и отличить ее отъ ложныхъ церквей. Проф. Глаголевъ вноситъ со своей стороны вкладъ сюда своимъ указаніемъ трехъ признаковъ православной церкви, каковы суть: 1) идеальная правда церкви или истинность ея ученія, 2) ея согласіе съ самой собой и 3) ея историческая непрерывность. Однако самъ авторъ справедливо находитъ пужнымъ замѣтить о недостаточности перваго признака для внѣшнихъ вслѣдствіе его субъективнаго характера, ибо истинность ученія церкви вполне можетъ быть

опознана лишь опытом и доступна только живущимъ въ церкви, а „легкомысліе и самомнѣніе не найдутъ дороги къ истинѣ“ по этому указанію (стр. 408 ср. 410, 411). Точно также не отличаются неотразимостью и прочіе два признака, особенно „согласіе церкви самой съ собой“, отрицаемое на основаніи историческихъ данныхъ въ школахъ ново-тубингенской и ричліанской, особенно профессоромъ А. Гарнакомъ¹⁾. Намѣчается авторомъ и еще четвертый признакъ православной церкви или практической путь къ познанію ея истинности, путь заключенія къ ея истинѣ отъ жизни ея членовъ, святою жизнью проповѣдующихъ истину церкви (Мо. V, 16). Но если пребывающіе въ православной церкви стали бы заключать о ея ученіи и о самой церкви вообще по нашей жизни, то—уввы! они оказались-бы весьма и весьма небезотвѣтны... Безотвѣтность современныхъ людей, по мнѣнію автора, увеличивается успѣхами науки послѣдняго столѣтія въ ея сближеніи съ религіею, гдѣ наука въ своемъ послѣднемъ словѣ „всегда является разъясненіемъ и раскрытіемъ ряда истинъ откровенія“ и „ведетъ къ тому, что бы полагать причину и цѣль всего въ томъ, что возвѣщаетъ откровеніе“ (стр. 33). Однако съ этимъ не позволяетъ согласиться фактъ отсутствія полнаго совпаденія современнаго научнаго знанія съ откровеніемъ, предполагаемаго здѣсь. До нѣкоторой степени это совпаденіе можно наблюдать въ космологіи, менѣе уже въ антропологіи, и его совѣтъ нѣтъ въ понерологіи и сотеріологіи, и христіанство въ самыхъ свѣтлыхъ и высокихъ своихъ истинахъ попрежнему остается для современныхъ „эллиновъ“ безуміемъ и соблазномъ... Побѣда надъ метафизическимъ или догматическимъ матеріализмомъ—вогь главное и крупное завоеваніе XIX вѣка; но матеріализмъ остается въ смягченной формѣ позитивизма, психо-физическаго монизма и т. п. Пантеизмъ, господствующая тенденція нашего времени, остается все еще раздѣлительною линіею между разумомъ и откровеніемъ, а особенно—дарвинизмъ (эволюціонизмъ въ области біологіи, съ отбѣнкомъ матеріалистическимъ). Истинное и дѣйствительно—послѣднее слово современной науки, наследіе XIX в., это—*эволюціонизмъ*. Но эволюціонизмъ отрицаетъ христіанство въ самомъ существѣ,

¹⁾ Въ его учебникъ по „Исторіи догматовъ“ и лекціяхъ „О сущности христіанства“.

какъ *религію безусловную*, сверхъестественную или божественную, вмѣстѣ съ отрицаніемъ божественности ея Основателя. Моральное ученіе Евангелія въ общемъ признано европейскимъ разумомъ въ XIX в., — и это то же не малое завоеваніе ума на пути къ свѣту, но признано въ урѣзанной формѣ, безъ догматической ея опоры, съ одною вѣрою во Христа, какъ Учителя только, а не Бога-Искупителя. Нѣтъ совпаденія именно съ догматическою стороною христіанства въ наукѣ и философіи нашего времени, отрицающихъ Личнаго Бога, не говоря уже о Богѣ Тріединомъ, личное безсмертіе, свободу воли и проч.

Вообще говоря, отвѣтъ изслѣдованія проф. Глаголева на вопросъ о судьбѣ пребывающихъ внѣ церкви не представляется убѣдительнымъ. Оставляя насъ въ неизвѣстности о судьбѣ некрещеныхъ младенцевъ, рѣшеніе, даваемое проф. Глаголевымъ, не даетъ отвѣта, напр. на слѣдующіе вопросы: чѣмъ виновны осуждаемые на гибель язычники, невидѣвшіе среди себя *православной* миссіи (стр. 437)? За что осуждаются не знавшіе откровенія лучшіе люди древности и какъ согласить это осужденіе съ болѣе мягкимъ рѣшеніемъ вопроса объ ихъ участи въ самомъ словѣ Божіемъ (Рм. II, 6—15; III, 29—30; Д. А. X. 34—35)? Почему осуждаются иновѣрцы, не имѣвшіе возможности, какъ должно, ознакомиться съ православною церковью (ср. стр. 439) и не по своей винѣ получившіе о ней невѣрныя свѣдѣнія (стр. 438—439)? Въ какомъ положеніи въ отношеніи къ спасенію признаются отвѣтомъ иновѣрцы, принимающіе, по взгляду православныхъ, нѣкоторую долю участія въ спасительной благодати, особенно римскіе католики?

Но сочиненіе проф. С. Глаголева можетъ быть разсматриваемо съ другой стороны. Сочиненіе это не есть апологетическая монографія съ разработкою одного спеціальнаго вопроса, какъ считаетъ его самъ авторъ. Оно есть нѣчто болѣе цѣльное для отечественной апологетической науки и духовнаго просвѣщенія желанное и потребное. Сочиненіе проф. С. Глаголева во всемъ своемъ объемѣ какъ въ первой *исторической*, такъ особенно во второй, *научно-философской*, частяхъ есть апологетика или введеніе въ православное богословіе: сочиненіе это представляетъ собою научное оправданіе христіанства не въ одной какой-либо истинѣ, какъ это бываетъ въ апологетическихъ монографіяхъ, а въ его цѣ-

ломъ, какъ теистическаго міросозерцанія. Въ этомъ отноше- ній апологетика проф. Глаголева напоминаетъ апологетику извѣстнаго и у насъ нѣмецкаго богослова Эбрарда. Несом- нѣнно, русская апологетическая литература съ появленіемъ апологетики проф. Глаголева обогатилась крупнымъ и само- бытнымъ сочиненіемъ, какихъ въ ней очень мало. Выдаю- щуюся общую особенность апологетики проф. Глаголева, ко- торою отмѣчаются всѣ произведенія истиннаго таланта, со- ставляетъ оригинальность, сказывающаяся вездѣ -- даже и тамъ, гдѣ трактуются обычные вопросы изъ области аполо- гетики: авторъ не любитъ и, кажется, не умѣетъ воспроиз- водить или повторять старое; приводятся новые доводы въ защиту христіанскихъ истинъ и старому дается новое ори- гинальное научное освѣщеніе. Частную особенность бого- словско-апологетическаго сочиненія проф. Глаголева слѣдуетъ указать въ томъ, что здѣсь отвлеченныя положенія сухой богословской мысли оживляются и наглядно освѣщаются фак- тическими данными изъ естествознанія.

Особенно много цѣннаго вносится въ апологетическую нашу литературу второю частью апологетики проф. Глаго- лева, соответствующею тому, что въ западномъ богословіи теперь называется *космологическою апологетикою*, а у насъ -- естественно-научною. Для этой литературы до сихъ поръ хорошіе образцы мы получали лишь въ переводныхъ сочи- неніяхъ, каковы: *Ульрици*: „Богъ и природа“, *К. Фламма- ріона* „Богъ въ природѣ“, *Бэннеръ* „Космосъ или Библия при- роды“ и т. п. Первый оригинальный образецъ апологетической литературы изъ этой области мы имѣемъ теперь въ видѣ второй части апологетики проф. Глаголева. Апологетическое содержаніе этой части я кратко отмѣчу въ доказательство того, что сочиненіе г. Глаголева есть вообще не апологетич- еское изслѣдованіе или монографія, а цѣлая апологетика.

Апологетика проф. Глаголева даетъ намъ первую и вторую главами 2-й части изложеніе міровоззрѣнія современнаго на- учнаго матеріализма (стр. 243--251) и блестящую критику его (стр. 252--291 и 291--341). Въ первой главѣ дается кри- тика современнаго матеріалистическо-механическаго міропо- ниманія, истолковывающаго механическую и фізіологическую стороны жизни (стр. 251), а вторая - психологическаго мате- ріализма. Изъ первой главы должно въ этомъ отношеніи отмѣтить: критику атомизма (стр. 252 и др.), апологію догмата

о твореніи міра изъ ничего (стр. 280—284) съ оригинальнымъ выводомъ его изъ естествознательнаго ученія о законѣ сохранения энергіи въ природѣ (стр. 284—288), опроверженіе деизма (стр. 288 и др.). Вторая глава даетъ научно-психологическое обоснованіе спиритуализма съ его ученіемъ о душѣ, какъ субстанціи, и объясненіемъ отсюда единства души или личности въ противоположность матеріализму, съ его возраженіями изъ психологіи и психіатріи (стр. 306—315). Особенно большую цѣнность имѣетъ здѣсь, по своей новостн, опроверженіе возраженій, заимствуемыхъ изъ фактовъ психіатріи (разложенія личности и сліянія личностей). Критикою различныхъ объясненій происхожденія души въ психологіи матеріалистической (стр. 300—301, 302—303), пантеистической (стр. 301—302, 303—305) и монадологической (стр. 304, 305—306) дается научное обоснованіе христіанскаго ученія о происхожденіи души отъ Бога чрезъ твореніе, причемъ удерживается установленное въ богословіи представленіе о способѣ происхожденія душъ чрезъ твореніе вмѣстѣ съ зачатіемъ тѣль (стр. 316—319). Въ связи съ научнымъ обоснованіемъ понятія о человѣческой душѣ, какъ личномъ духѣ, устанавливается правильное понятіе о Богѣ, какъ личномъ Духѣ, и дается разборъ возраженій противъ представленія Абсолютнаго личнымъ (стр. 325—330). Здѣсь же мы находимъ апологію христіанскаго ученія о Трїедномъ Богѣ вмѣстѣ съ новою прекрасною аналогіею для уясненія тайны Св. Троицы (стр. 330—339), апологію ученія о свободѣ воли (стр. 297 и дал.).

Въ 3-й главѣ заключаются также много апологетическаго матеріала: здѣсь говорится о цѣлесообразности въ природѣ и дается опроверженіе нѣкоторыхъ возраженій противъ нея (348—353), а также положительное обоснованіе ученія о цѣлесообразности или идеи о разумной цѣли міра данными наукъ (космологіи, геологіи, палеонтологіи), исторіею человѣчества и жизнью индивидуумовъ (стр. 353—365), вмѣстѣ съ обоснованіемъ самого христіанскаго ученія о тѣсномъ единеніи съ Богомъ, какъ о цѣли міра (стр. 370—372); попутно указаны недостатки и отмѣчена полная несостоятельность дарвинизма (стр. 357—360), и самая значительная часть главы, наконецъ, посвящается теодицеѣ или примиренію существующаго въ мірѣ зла (кажущагося недостиженія въ немъ цѣли его) съ разумною цѣлью міра и съ бытіемъ благаго и премудраго Бога—Промыслителя (стр. 372—386). Среди многихъ прекрас-

ныхъ разсужденій нашего богослова здѣсь должны быть отмѣчены, какъ заслуживающія особаго вниманія, тѣ страницы, гдѣ представлено научно-психологическое обоснованіе православнаго ученія о загробной судьбѣ людей и о связи между церковью земною и церковью небесною (стр. 380—384). На стр. 375—380 дается весьма излишнее въ нашей богословской литературѣ обоснованіе догматическаго ученія о вѣчности мученій и разборъ ученія объ апокатастасисѣ, съ которымъ, впрочемъ, не во всемъ согласятся богословы—догматисты и апологеты, непринужденно, конечно, къ приверженцамъ послѣдняго ученія. Въ заключительной части сочиненія мы находимъ: морально-психологическое обоснованіе необходимости Церкви и ученія о ея свойствахъ—святости и единства, необходимости іерархіи въ ней и таинствъ (стр. 388—395, 413 и дал., 431), разсужденія о превосходствѣ ветхозавѣтной религіи передъ всеми языческими религіями (стр. 397—400) и о христіанствѣ, какъ совершеннѣйшей въ мірѣ религіи (стр. 400—408) вмѣстѣ съ краткою, но сильною и оригинальною критикою религій: ново-іудейской (стр. 400—405), буддійской (стр. 406 и др.). Въ богословское ученіе о признакахъ истинной Христовой церкви въ заключительномъ трактатѣ апологетики проф. Глаголева вносится новое сравнительно съ существующею по сему вопросу литературою въ богословіи (стр. 408—412). Апологетика завершается ученіемъ о превосходствѣ Православной церкви передъ всеми другими христіанскими церквами (стр. 414—437). Это—сжатая и свѣжая критика западныхъ вѣроисповѣданій, носящая на себѣ печать близкаго знакомства автора со всемі, что есть лучшаго въ научной литературѣ этого вопроса.

Заключу обзоръ содержанія и внутреннихъ многочисленныхъ достоинствъ научной апологетики проф. Глаголева необходимымъ замѣчаемъ и о вѣншихъ литературныхъ ея достоинствахъ.

Апологетика проф. Глаголева написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, читается легко и съ интересомъ; она представляетъ собою достоподражаемый и, къ сожалѣнію, рѣдкій примѣръ соединенія научности съ общедоступностью сочиненія, составляющаго въ высшей степени цѣнное и необходимое качество въ произведеніяхъ именно христіанской богословской учености: истинная богословская наука, одушевляемая христіанскою любовью, какъ движущимъ своимъ началомъ,

и сознаниемъ высокаго значенія своего предмета или христіанской истины болѣе всѣхъ другихъ наукъ должна стремиться къ общедоступности, какъ своему идеалу, и отнюдь не вмѣнять себѣ въ заслугу столь чуждый духу христіанской любви „эсotericскій“ характеръ науки въ подражаніе наукъ мірской. Неестественно озаренному свѣтомъ истины скрывать этотъ свѣтъ подъ снудомъ наружной учености и не желать возможно болѣе широкаго распространенія его среди обьятыхъ тьмою. Содѣйствіе успѣхамъ духовнаго просвѣщенія общества, семьи и школы, распространеніемъ основательныхъ познаній о предметахъ вѣры и духовной науки, содѣйствіе религіозному воспитанію русскаго общества и народа ближайшимъ ознакомленіемъ ихъ съ ученіемъ вѣры и православною Церковью — это задача, вполне достойная истинной богословской науки, имѣющей правильное о себѣ понятіе. Богословско-апологетическое сочиненіе профессора Глаголева успѣшно идетъ навстрѣчу этому идеалу богословской науки прекраснымъ сочетаніемъ научной основательности или учености съ общедоступностью изложенія, а также и тѣмъ, что оно не есть спеціальная монографія съ рѣшеніемъ частнаго вопроса, а нѣчто близкое къ системѣ или курсу по наибавѣннѣйшей теперь въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія и воспитанія общества богословской наукѣ, — апологетикѣ, весьма небогатыя произведеніями этого рода (здѣсь, какъ и въ другихъ богословскихъ наукахъ, замѣчается явное преобладаніе спеціальнo-монографической литературы надъ сочиненіями съ цѣльнымъ систематическимъ изложеніемъ науки). Въ этомъ отношеніи нельзя, наконецъ, не отмѣтить еще одной выдающейся и цѣнной особенности апологетики проф. Глаголева, — той особенности, которая отличаетъ всякія произведенія, отмѣченныя печатью таланта. Свойство хорошихъ, талантливо написанныхъ книгъ не въ томъ одномъ, чтобы сообщить знанія или свѣдѣнія читателямъ и обогащать умъ знаніями, — нѣтъ: хорошая книга затрогиваетъ и будитъ мысль читателя, вызываетъ ее на самостоятельную работу, — свойство, незамѣнимое въ учебно-воспитательныхъ и самообразовательныхъ цѣляхъ! Апологетика проф. Глаголева принадлежитъ именно къ такимъ книгамъ, и среди нихъ въ нашей богословской литературѣ имѣетъ право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Профессоръ университета св. Владимира,

Прот. П. Свѣтловъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки